

Олег Лекманов

Последний император

Интересующее нас стихотворение было впервые напечатано в четвертом, апрельском номере журнала «Красная новь» за 1928 год. Поскольку оно не входит в «канон» Маяковского, приведем здесь полностью текст стихотворения:

ИМПЕРАТОР

Помню —
 то ли пасха,
то ли —
 рождество:
вымыто
 и насухо
расчищено торжество.
По Тверской
 шпалерами
 стоят рядовые,
перед рядовыми —
 пристава.
Приставов
 глазами
 едят городовые:
— Ваше благородие,
 арестовать? —
Крутит
 полицмейстер
 за уши ус.
Пристав козыряет:
 — Слушаюсь! —
И вижу —
 катится ландо,
и в этой вот ланде

Об авторе | Олег Андершанович Лекманов (родился в 1967 году), филолог, профессор НИУ ВШЭ, автор более четырёхсот опубликованных работ, в том числе, шести монографий об акмеизме, Мандельштаме, Есенине, Валентине Катаеве.

От автора | Благодарю О. Сокоренко за стимулирующие мысль споры, а Е. Лямину, А. Немзера и К. Осповата за важные дополнения и исправления.

сидит
военный молодой
в холёной бороде.
Перед ним,
как чурки,
четыре дочурки.
И на спинах булыжных,
как на наших горбах,
свита
за ним
в орлах и в гербах.
И раззвонившие колокола
расплылись
в дамском писке:
Урра!
Царь-государь Николай,
император
и самодержец всероссийский!

Снег заносит
косые кровельки,
серебрит
телеграфную сеть,
он схватился
за холод проволоки
и остался
на ней
висеть.
На всю Сибирь,
на весь Урал
метельная мура.
За Исетью,
где шахты и кручи,
за Исетью,
где ветер свистел,
приумолк
исполкомовский кучер
и встал
на девятой версте.
Вселенную
снегом заволокло.
Ни зги не видать —
как на зло.
И только
следы
от брюха волков
по следу
диких козлов.
Шесть пудов
(для веса ровного!),
будто правит
кедров полком он,
снег хрустит
под Парамоновым,
председателем
исполкома.

Распахнулся весь,
 роют
 снег
 пимы.
 — Будто было здесь?!
 Нет, не здесь.
 Мимо! —
 Здесь кедр
 топором перетроган,
 зарубки
 под корень коры,
 у корня,
 под кедром,
 дорога,
 а в ней —
 император зарыт.
 Лишь тучи
 флагами плавают,
 да в тучах
 птичье враньё,
 крикливое и одноглавое,
 ругается вороньё.

 Прельщают
 многих
 короны лучи.
 Пожалте,
 дворяне и шляхта,
 корону
 можно
 у нас получить,
 но только
 вместе с шахтой.

Свердловск
 <1928>¹

Стихотворение состоит из трех частей, которые не пронумерованы, а отделены друг от друга пробелами (в журнальной публикации — отчеркиваниями). Эти три части отличаются временем действия (дореволюционное прошлое — советское настоящее — предупреждение для реставраторов прошлого о возможном будущем) и тяготением к трем жанровым формам (I часть — сатирическая сценка; II часть — документальный очерк; III часть — плакат в духе Окна РОСТА).

Разбор стихотворения начнем с попытки комментария к третьей его части.

1.

Учитывая, что «Император» был написан спустя многие годы после окончания Гражданской войны, правомерным кажется вопрос: к кому конкретно адресуется поэт в третьей части? Кого в 1928 году прельщали «короны лучи»? Кто они — эти «дворяне и шляхта»?

Как кажется, вместо туманного и расплывчатого ответа (некие абстрактные представители белоэмиграции) на этот вопрос можно дать ответ ясный и четкий,

1 Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13-ти тт. Т. 9. М., 1958. С. 27—30.

вписывающий стихотворение в актуальный газетный контекст эпохи. Заглянем в номер «Правды» (или «Известий», или почти любой другой советской газеты) от 10 марта 1928 года и обнаружим там редакционную передовицу «Об экономической контрреволюции в угольной промышленности», а рядом с ней заявление «От прокурора Верховного суда Союза. Сообщение о раскрытии контрреволюционного экономического заговора». Эти два текста, а также речь А.И. Рыкова на пленуме московского совета 9 марта 1928 года (напечатанная в газетах 11 марта) стали первыми информационными ласточками о так называемом «шахтинском деле», по которому большая группа руководителей и специалистов, работавших в Шахтинском районе Донбасса, была облыжно обвинена во вредительстве и саботаже.

В перечисленных газетных материалах легко отыскиваются и конкретные детали, которые, по нашему мнению, были взяты на вооружение Маяковским при написании концовки стихотворения. В «правдинской» передовице сообщалось, что «ряд крупнейших спецов», фигурантов дела, «был связан не только с бывшими шахтовладельцами, но и с военной агентурой капиталистических государств, Польши, прежде всего»² — отсюда, вероятно, возникло обращение Маяковского к «шляхте». А в речи Рыкова руководители «заговора» были названы «мерзавцами-монархистами»³, то есть как раз теми, кого прельщают «короны лучи».

Получается, что в финале стихотворения Маяковский, как он любил и умел это делать, зло поиграл словами: он напомнил якобы мечтавшим о реставрации монархии *шахтинцам* и их иностранным покровителям о той заброшенной *шахте*, в которую, как считалось, было спущено тело расстрелянного Николая II.

Если мы правы в своих предположениях, то выявленные газетные источники финала стихотворения «Император» позволяют по-новому взглянуть на соотношение чистовика и черновика этого стихотворения.

Как известно, в черновике, набрасывавшемся зимой 1928 года, Маяковский проявил по отношению к несчастному самодержцу почти небывалое для правоверного советского поэта великодушие. Он пробовал такие варианты:

Я вскину две моих пятерни
 Я сразу вскину две пятерни
 Что я голосую против
 Я голосую против
 Спросите руку твою протяни
 казнить или нет человечьи дни
 не встать мне на повороте
 Живые так можно в зверинец их
 Промежду гиеной и волком
 И как не крошечен толк от живых
 от мертвого меньше толку
 Мы повернули истории бег
 Старье навсегда провожайте
 Коммунист и человек
 Не может быть кровожаден⁴

2 Об экономической контрреволюции в угольной промышленности // Правда. 1928. 10 марта. С. 1. Польский след, как известно, образовался в шахтинском деле потому, что один из ключевых фигурантов этого дела, горный инженер, сотрудник администрации «Донбассуголь» Николай Бояринов поддерживал дружеские связи с эмигрировавшим в Польшу бывшим директором-распорядителем Донецко-Грушевского акционерного общества Дворжанчиком.

3 Речь тов. А.И. Рыкова на пленуме московского совета 9 марта 1928 года // Правда. 1928. 11 марта. С. 3.

4 Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13-ти тт. Т. 9. С. 444.

Однако в итоговой редакции ото всех этих милосердных строк поэт отказался, предпочтя им кровожадную концовку⁵.

Можно предположить, что, прочтя речь Рыкова и другие материалы, связанные с шахтинским делом, он ради «высокой» цели служения родной Партии с привычной ловкостью превратил свое человеколюбивое стихотворение в людоедское.

Так или иначе, но когда летом того же года в стихотворении с характерным заглавием «Вредитель» Маяковский впрямую писал о шахтинцах, то вопрос, «казнить или нет человечьи дни», для него, кажется, не возникал:

Пускай
 статьи
 определяет суд.
 Виновного
 хотя б
 возьмут мишенью тира...⁶

2.

Теперь перейдем к комментированию первой части «Императора».

Впрочем, она понятна почти без комментариев. Начинается стихотворение с упоминания об одном из «отмененных» самой историей новейшей России церковных праздников («то ли пасха, // то ли — // рождество»), чтобы дальше перейти к рассказу о визите в Москву «отмененного» самой историей августейшего семейства.

Грубое сравнение, использованное при портретировании царских дочерей («Перед ним, // как чурки, // четыре дочурки»), используется, чтобы читатель вспомнил загодя оправдывающую большевиков-цареубийц поговорку: «Лес рубят — щепки летят» (чурки неизбежно должны быть расколоты). Сравним чуть выше в первой части «Императора»: «По Тверской // *шпалерами* // стоят рядовые»⁷, а также во второй части, но уже с уподоблением не людей деревьям, а деревьев — людям: «будто правит // *кедров* полком он».

В строках Маяковского:

И раззвонившие колокола
 расплылись
 в дамском писке:
 Уррра!

слышится отзвук грибоедовского саркастического:

Кричали женщины: ура!
 И в воздух чепчики бросали!⁸

5 Очевидно, впрочем, что и в черновике намечались не слишком милосердные варианты гипотетической судьбы семьи Романовых: «Живые<, > так можно в зверинец их // Промежду гиеной и волком».

6 Там же. С. 157. Отметим, что в этом стихотворении Маяковский тоже связал шахтинцев с императором: «мы отдавали // им // последнее тепло, // жилища // отдавали, выложив, // чтоб на стене // орлом сиял диплом // им-пе-раторского училища» (Там же).

7 В садово-парковом искусстве шпалерами называют ряды подстриженных кустарников и деревьев, высаженные вдоль прямой линии, а также образуемые ими «зеленые галереи» и деревянные конструкции, поддерживающие стволы и ветви. Здесь и далее в статье курсив в цитатах везде мой. — О.Л.

8 Грибоедов А.С. *Горе от ума: Комедия в 4-х действиях, в стихах* // Грибоедов А.С. Сочинения. М.—Л., Гослитиздат, 1959. С. 39. Это наблюдение сделано О.А. Сокоренко.

Общий же тон первой части стихотворения напоминает сегодняшнему читателю о сатирической сценке из знаменитых «Стихов о советском паспорте», написанных через год после «Императора». Отыскивается и конкретная текстовая переключка: «Приставов // глазами // едят городовые» в нашем стихотворении; «Глазами / / доброго дядю выев» в «Стихах о советском паспорте»⁹.

Как и в гимне советскому паспорту, в финале первой части «Императора» юмористическая интонация подкрашивается гневной: свита Николая II вольготно располагается «на спинах бульжных, // как на наших горбах». Вскорости бульжники (оружие пролетариата) пойдут в дело, «горбы» распрямятся, династия Романовых заодно со свитой будет сброшена с трудовых спин.

Октябрь
из шахт
на улицы ринул,
и...
разослала октябрьская ломка
к чертям
орлов Екатерины
и к богу —
Екатерины
потомка.

Так Маяковский обыгрывал присказку «послать к чертям» в стихотворении 1928 года «Екатеринбург — Свердловск»¹⁰, используя при этом образы «шахт», гибели императора и романовских, государственных орлов (разговор о которых еще впереди).

3.

Документальная основа эпизода, описанного во второй части стихотворения «Император», такова: будучи в Свердловске в январе 1928 года, Маяковский попросил тогдашнего председателя местного областного Совета Анатолия Ивановича Парамонова о поездке на место захоронения Николая II. Просьба поэта была уважена — 28 января он вместе с Парамоновым на подводе лошадей, управляемой «исполкомовским кучером», отправился разыскивать тайную могилу. По одним сведениям — она была отыскана, по другим — «место захоронения императора в тот день так и не удалось показать Маяковскому»¹¹.

То есть несколько двусмысленной, по-видимому, оказалась уже сама ситуация, в которую попали Маяковский и его сопровождающие: нашли они место захоронения императора или нет, было, по-видимому, до конца непонятно и им самим.

Все же поэт решил и написал репортажное стихотворение, используя для этого довольно-таки сомнительный информационный повод¹².

Однако из «репортажа» Маяковского очень трудно понять — как он сам относился к тому факту, что последний русский самодержец был казнен. Отказ от прямой оценки этого события во второй части особенно выразительно смотрится на фоне первой и третьей частей стихотворения (и черновика к третьей части), которые едва ли не для выставления «правильных» оценок и были написаны.

9 См.: Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13-ти тт. Т. 10. М., 1958. С. 68.

10 Там же. Т. 9. С. 19—20. Сопоставление «Императора» с этим фрагментом стихотворения «Екатеринбург — Свердловск» впервые проделано в толковой статье: Лукьянин Валентин. Маяковский «сам» и пять его свердловских дней // Урал. 2003. № 1. С. 202.

11 Оба свидетельства принадлежат А.И. Парамонову. Цитируем по: Лукьянин Валентин. Маяковский «сам» и пять его свердловских дней. С. 204.

12 Понятно, что именно поездка с Парамоновым послужила главным импульсом к началу работы над «Императором».

Можно, конечно, усмотреть почти прямую оценку всего произошедшего в заключительных строках второй части:

Лишь тучи
флагами плавают,
да в тучах
птичье враньё,
крикливое и одноглавое,
ругается вороньё.

Эти строки отчетливо спроецированы на один из финальных микрофрагментов первой части:

Свита
за ним
в орлах и в гербах...

Подразумевается же у Маяковского во второй части, как представляется, не романовский *двуглавый* орел, а очень похожий на него, но только *одноглавый* — с герба все той же Польши. В соответствии с давней традицией агитационной поэзии и политических карикатур, имперский орел в стихотворении превращается в ворона или в ворону на черном, пиратском (вместо красного, польского) флаге: «Лишь тучи // флагами плавают»¹³.

С другой стороны, вороны, кружащие над могилой, — это давний поэтический топос, причем в строках из русской и мировой поэзии, в совокупности образующих этот топос, почти обязательно содержатся мотивы сочувствия к тому, кто покоится в могиле.

Еще меньше проясняют авторскую позицию многочисленные подтексты, которые отыскиваются во второй части «Императора».

Начнем с наиболее очевидной реминисценции, отмеченной еще В.А. Арутчевой. В своем давнем комментарии к стихотворению «Император» она указала, что строки:

у корня,
под кедром,
дорога,
а в ней —
император зарыт.

«являются перефразировкой строк М.Ю. Лермонтова из стихотворения “Воздушный корабль” (1840):

На острове том есть могила,
А в ней император зарыт»¹⁴.

Напомним, что следующие после процитированной Маяковским строки стихотворения «Воздушный корабль» (как и все это стихотворение) полны неприкрытого сочувствия к Наполеону и презрения к его врагам:

13 Ср. в черновиках к стихотворению: «Лишь тучи штандартами плавают» (Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13-ти тт. Т. 9. С. 444). Возможно, Маяковский намекает в разбираемых строках и на любимое времяпрепровождение Николая II, многократно обыгранное в агитационной литературе, — стрельбу по воронам.

14 Арутчева В.А. Примечания // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13-ти тт. Т. 9. С. 544.

Зарыт он без почестей бранных
 Врагами в сыпучий песок,
 Лежит на нем камень тяжелый,
 Чтоб встать он из гроба не мог¹⁵.

Казалось бы, лермонтовский подтекст свидетельствует о сочувственном отношении поэта к казненному царю. Но, во-первых, Маяковский в своем стихотворении иронически подменил романтический лермонтовский «воздушный корабль» весьма прозаическим «вороньем»¹⁶; а во-вторых, скрытые цитаты из Лермонтова, абсолютно утерявшие смысловую связь с первоисточниками и выполняющие исключительно юмористическое, пародийское назначение, встречаются во многих стихотворениях Маяковского 1928 года, таких, например, как «Без руля и без ветрил» и «Лицо классового врага».

Процитируем также открыто издевательские строки из октябрьской поэмы Маяковского «Хорошо!» (1927), показывающие в наполеоновской подсветке глубоко презираемого автором Керенского:

Забывши
 и классы
 и партии,
 идет
 на дежурную речь.
 Глаза
 у него
 бонопартьи
 и цвета
 защитного
 френч¹⁷.

Не слишком помогают выяснить, каким было подлинное отношение Маяковского к казни Николая II, и выявленные В. Лукьяниным во второй части «Императора» реминисценции из «Капитанской дочки»¹⁸, функция которых, по-видимому, состояла в указании на давнюю традицию борьбы народа с династией Романовых.

Куда более интересной и многое потенциально объясняющей представляется нам явная переключка микрофрагмента из второй части «Императора» со строками из поэмы Александра Блока «Двенадцать».

У Маяковского:

Вселенную
 снегом заволокло.
 Ни зги не видать —
 как на зло.

У Блока:

Разыгралась чтой-то вьюга,
 Ой, вьюга, ой, вьюга!
 Не видать совсем друг друга
 За четыре за шага!¹⁹

15 Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: в 5 тт. Т. 2. М. — Л., 1936. С. 78.

16 Ср., особенно, в одном из черновых вариантов: «кружится вверх воронье» (Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13-ти тт. Т. 9. С. 444).

17 Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13-ти тт. Т. 8. М., 1958. С. 240.

18 Лукьянин Валентин. Маяковский «сам» и пять его свердловских дней. С. 205.

19 Блок А.А. Собрание сочинений: в 8-ми тт. Т. 3. М. — Л., 1960. С. 8.

Вспомним, что в седьмой главке «Хорошо!» весь смысл «Двенадцати» едва ли не сведен к символической фигуре Христа, появляющейся у Блока в финале:

Уставился Блок —
и Блокова тень
глазеет,
на стенке привстав...
Как будто
оба
ждут по воде
шагающего Христа²⁰.

Вспомним для того, чтобы высказать самое рискованное и, возможно, даже сомнительное предположение во всей нашей комментаторской заметке: не служит ли в «Императоре» реминисценция из «Двенадцати» сигналом соотнесенности в сознании Маяковского мученической кончины Николая II с распятием Христа? Если это так, то и безрезультатные поиски могилы императора можно было бы осторожно сопоставить с соответствующим евангельским эпизодом: «Его нет здесь» (Матф. 28, 6).

В том, что мы не вовсе не правы, как представляется, убеждает образ «короны лучей» из третьей части «Императора», легко соотносимый с терновым венцом, особенно если вспомнить один из черновых вариантов строки Маяковского о короне:

Корону можно на лоб получить...²¹

Корона вместе с шахтой оказывается почти изоморфной надписи «Царь Иудейский» на кресте: царским знакам на месте казни.

Глумливое же снижение высокой параллели «Николай II — Христос» можно обнаружить в первой, сатирической части «Императора», если посмотреть на нее под интересующим нас сейчас углом. Посещение царем Москвы под этим углом воспринимается как пародийный въезд в Иерусалим, а сигналом введения «христианской» темы служит, разумеется, прямое упоминание о Рождестве и Пасхе в зачине стихотворения²².

Остается отметить, что параллель русский царь — Христос, как показали в своей классической работе Б.А. Успенский и В.М. Живов, была очень прочно вживлена даже не в сознание, а в подсознание россиян. Приводят исследователи и пример, связанный с визитом Николая II в Москву (для коронации 6 мая 1896 года). В этот день в официальном органе Синода «Церковном вестнике» говорилось: «Если не устами, то сердцем вся Москва, а за ней и вся Россия восклицала: Благословен Грядый во Имя Господне!». Еще позднее протоиерей Петр Миртов в своей проповеди на день коронации Николая II провозгласил: «Благословен грядый во имя Господне Царь и Самодержец Всероссийский»²³.

То есть мы вновь встречаемся с механизмом автоцензуры, уже описанным нами при разговоре о черновике и беловике третьей части стихотворения «Император». Первоначально — в своем сознании — Маяковский вольно или невольно уподобил

20 Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13-ти тт. Т. 8. С. 266.

21 Там же. Т. 9. С. 444.

22 Эта же тема заостренно-пародийно звучит в сатирическом стихотворении А.К. Толстого «Бунт в Ватикане», скрытую цитату из которого В. Лукьянин обнаружил в первой части «Императора». См.: Лукьянин Валентин. Маяковский «сам» и пять его свердловских дней. С. 204.

23 Обе цитаты приводятся по: Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 109.

мученика-царя мученику-Христу, но в процессе работы над стихотворением включился механизм автоцензуры, и поэт беспощадно высмеял у него же самого возникшие сакральные ассоциации.

Спустя два года этот принцип будет отрефлектирован самим поэтом в быстро ставших хрестоматийными строках предсмертной поэмы «Во весь голос»:

Но я
себя
смирял,
становясь
на горло
собственной песне²⁴.

24 Из поэмы «Во весь голос». Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13-ти тт. Т. 10. С. 280—281.